

был наполнен множеством прихожан, приветственный адрес от ректора Санкт-Петербургского государственного университета Л.А.Вербницкой зачитал проректор по экономике и социальному развитию С.Г.Еремеев. Юбилей университетской церкви широко освещался в прессе и на телевидении¹¹³.

Осенью юбилейного 2007 г. прошёл круглый стол «Как мы дошли до жизни такой»¹¹⁴ с участием священнослужителей — выпускников университета; музеем и приходом совместно с Музеем истории университета была проведена конференция «Храм Духа в храме науки»¹¹⁵, труды которой и публикуются в настоящем сборнике.

¹¹³ См., напр.: Сакральное измерение бытия. Университет и его храм // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 13 (3761), сентябрь 30. С. 38–47.

¹¹⁴ Голубев Е. Университет за окнами храма // Санкт-Петербургский университет. 2008. № 1 (3768), январь 25. С. 19–23.

¹¹⁵ Голубев Е. Сотрудничество науки и богословия // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 19 (3767), декабрь 28. С. 54–55.

И.Л.Тихонов¹, О.Л.Бильвина²

КАФЕДРА БОГОСЛОВИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Исследование традиции преподавания богословских дисциплин в российских университетах в XIX — первых двух десятилетиях XX в. позволяет осветить важную, но малоизвестную часть отечественной духовной культуры, взаимосвязанную с историей религии, философии, науки, педагогики и социально-политическими процессами.

В течение XVIII столетия преподавание богословия в Санкт-Петербургском университете не осуществлялось. В первых строках «Проекта положения об учреждении Академии наук и художеств» 1724 г. давалось определение стандартного университета европейского типа: «Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко еологии и юриспруденции, медицины, филозофии сиречь до какого состояния оные дошли, младых людей обучают». Хотя, по примеру европейских университетов, «еология» (теология) здесь упомянута на первом месте, в дальнейших разделах того же документа, определяющих структуру университетского преподавания, богословию места не нашлось. Соответственно, в XVIII в. богословие не входило в круг университетских дисциплин. Только в гимназии, существовавшей, также как и университет, в составе Петербургской Академии наук, можно проследить преподавание некоторых основ вероучения: так, в утвержденных Е.Р.Дашковой в 1789 г. «Правилах приема учеников пенсионеров в Академическую гимназию» среди прочих учебных дисциплин упо-

¹ Директор Музея истории СПбГУ, канд. ист. наук, доц. исторического ф-та.

² Учёный секретарь Музея истории СПбГУ.

мянут катехезис³. Среди различных учебных пособий для академической гимназии в XVIII — начале XIX в. приобретались «Нравоучительные повествования из Библии» и «Краткий катехизис для обучения детей православному христианскому закону»⁴. Однако в аттестатах студентов, закончивших Академическое училище, в которое объединились после 1770 г. университет и гимназия, какие-либо богословские дисциплины отсутствуют. До начала XIX в. богословие не преподавалось и в Московском университете.

В Учительской семинарии, основанной в 1783 г. и предназначенной для подготовки «наставников для всей Империи», богословие также не значилось среди учебных предметов, поскольку в неё набирались ученики духовных училищ, достаточно подготовленные богословски. Тем не менее среди учебных пособий для учителей и учащихся, изданных Комиссией об установлении в Государстве Училищ (создана в 1782 г.), упомянуты сокращённый и пространный катехизисы, книга по Священной истории и «Изъяснение Воскресных Евангелий»⁵. Историограф Императорского Петербургского университета Е. Ф. Зябловский так объяснил необходимость изучения этих предметов: «Всеми нужно чтение и письмо, всем необходимо познание оснований Православной веры и Всеобщего Нравоучения. Сими началами должны укрепляться ум и сердце юных питомцев!»⁶ В 1803 г. Учительская семинария стала называться Учительской гимназией, а в 1804 г. — Педагогическим институтом, первый курс которого также дополнили питомцы духовных училищ.

В 1804 г. был принят устав Московского университета, ставший первым типовым уставом для всех российских университетов, в котором в отделении нравственных и политических наук впервые появилась, наряду с кафедрой церковной истории, и кафедра бого-

³ Санкт-Петербургский государственный университет. 275 лет: Летопись. 1724–1999 / Сост. Г. Л. Соболев, И. Л. Тихонов, Г. А. Тишкин; под ред. Л. А. Вербицкой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 50.

⁴ Материалы по истории С.-Петербургского университета. XVIII в. Обзор архивных документов / Сост. Е. М. Балашов, О. В. Иодко, Н. С. Прохоренко; под ред. Г. А. Тишкина. СПб.: Изд-во С.-Петербург ун-та, 2001. С. 29, 31, 75.

⁵ Зябловский Е. Ф. Историческая повесть об Учительской Семинарии и Педагогическом Институте до переименования сего в Санктпетербургский Университет, с присоединением некоторых предшествовавших учреждений по части Народного Просвещения. СПб.: В тип. Медии. Департамента Министерства Внутр. Дел, 1833. С. 30–31.

⁶ Там же. С. 24.

словия. Однако, как ни странно, в числе учебных предметов Педагогического института отсутствовал Закон Божий, что привлекло внимание попечителя Санкт-Петербургского учебного округа графа С. С. Уварова. 14 января 1811 г. он доложил об этом графу А. К. Разумовскому, одновременно представив «Проект преподавания Закона Божия в Педагогическом институте»⁷. Обучение в нём Уваров считал необходимым согласовывать с нравственностью и религией, которые «должны служить к умственному усовершенствованию человека». По его убеждению, Закон Божий — это «душа истинного просвещения», а богословские предметы — центр, организующий все прочие знания, необходимые для жизни человека в обществе. Главная цель преподавания богословия, по его замыслу, — показать студентам превосходство православного вероисповедания, «возбудить в них привязанность к истинному православию», развить в них «чувство добра». Согласно проекту Уварова, преподавание этого предмета должно было соответствовать уровню образования, свойственному студентам при поступлении в институт (предполагалось, что учащиеся к этому времени должны были знать не только так называемый пространный катехизис, но и начала богословия). Программа лекций, по проекту Уварова, могла включать: 1) начальные основания всеобщего богословия и энциклопедическое обозрение всех наук, составляющих полный богословский курс; 2) всеобщую историю христианской церкви, в особенности российскую церковную историю, в том числе историю христианских догматов; 3) чтение и «изъяснение истинного смысла» книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета, что должно было не только принести нравственную пользу студентам, но познакомить их с красотой и неисчерпаемым богатством «славянского языка». Догматам, как основе православия, и каноническому праву Уваров отводил главное место в богословском курсе. Что касается истории церкви, по его мнению, её важность в том, что именно она может пролить свет на всемирную историю и политические события. Особое внимание в своём проекте Уваров уделил идеальной характеристике преподавателя богословия — духовного лица. Он «должен сам быть убеждён в святости Религии, чувствовать всю важность возложенной на него обязанности» и учить не поверхностно, но проводить со своими слушателями исследования, «описывая им

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 464. Л. 1–4 об.

сокровенный смысл священной Литургии поскольку ум человеческий постигнуть может».

Проект Уварова был утверждён Разумовским; и хотя о его воплощении в жизнь ничего не известно, отметим, что в XIX — начале XX в. принципы преподавания богословских дисциплин в Петербургском университете во многом восходили к идеям, высказанным Уваровым.

Только в 1816 г., с преобразованием Педагогического института в Главный Педагогический, богословие вошло в систему учебных дисциплин, причем, как и ранее, большинство студентов поступали сюда из духовных училищ. Согласно Уставу Главного Педагогического института 1816 г., составленному министром народного просвещения князем А.Н.Голицыным, программа двухлетнего Предварительного курса и трёхлетнего Курса высших наук включала «общий класс Закона Божия, коему обучаться обязаны все воспитанники»⁸. Кафедра богословия названа первой из 21 кафедры института, а законоучитель получил статус профессора. Им являлся священник Владимирской церкви, выпускник Московской славяно-греко-латинской академии, протоиерей Симеон Платонов, оставивший эту должность по своему прошению в феврале 1819 г.⁹

В проекте университетского устава, разработанном С.С.Уваровым в том же году, вскоре после восстановления университета на базе Главного Педагогического института всё же отмечалось: «Российский университет в собственном значении не может иметь богословского факультета»¹⁰. М.Л.Магницкий заклеил этот пункт «непристойною и ложной аксиомой». (Этот «деятель народного просвещения» известен прежде всего разгромом Казанского университета, проведенным под лозунгами приведения преподавания в соответствие Священному Писанию.) В ответ на замечания к проекту его устава Уваров не без ехидства писал: «Как преподавание политической экономии основывать на Откровении, — вещи сей не постигаю»¹¹.

⁸ Устав Главного Педагогического института. СПб.: Медицинская типогр., 1817. С. 15.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2120. Л. 1.

¹⁰ Санкт-Петербургский университет. 275 лет: Летопись. 1724–1999. С. 80.

¹¹ Жуковская Т.Н. С.С.Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VII. СПб., 1998. С. 64.

Кафедра богословия Петербургского университета являлась, как и в Главном Педагогическом институте, внефакультетской, и изучение этого предмета было обязательным для всех студентов православного («греко-русского») вероисповедания. В Общем уставе императорских российских университетов 1835 г. (§ 14) она именовалась кафедрой «Догматической и Нравственной Богословии, Церковной Истории и Церковного Законоведения». До нового Устава 1863 г. профессор богословия преподавал студентам всех факультетов богословие теоретическое и практическое, церковную историю (общую и российскую), а студентам юридического факультета также церковное законоведение. В 1850 г. кафедра богословия была объединена с упразднённой кафедрой философии, существовавшей с 1835 г., и профессор богословия должен был читать также курсы логики и психологии. В 1863 г., согласно новому университетскому уставу, кафедра философии была восстановлена; на историко-филологических факультетах появились отдельные кафедры церковной истории и права.

Вступительные испытания в университет включали и экзамен по Закону Божию. Богословие преподавалось, как показывают учебные программы разных лет, на первом или втором курсе университета; в неделю читалось две лекции. Программа включала две субдисциплины: догматическое и нравственное (нравоучительное, деятельное) богословие. Некоторое время, например в 1830-е годы, после годичных экзаменов по всем предметам (в число их входил и Закон Божий) устраивался особый публичный экзамен по богословским наукам, на котором присутствовали высшие духовные лица, в частности члены Св. Синода, министр народного просвещения и попечитель Санкт-Петербургского учебного округа. Экзаменовалось до 12 студентов, избранных профессором богословия¹².

Преподавание богословия в университетах в XIX — начале XX в. имело свою особенность: профессор богословия являлся единственным представителем религиозного знания в научной среде, которая относилась к нему с большей критичностью и требовательностью, нежели его коллеги и студенты духовных академий. Отметим, что в 1909 г. в тексте поздравления С.-Петербургской духовной академии в связи с её столетием профессор богословия Пе-

¹² *Фортуатов Ф.Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 годы по поводу пятидесятилетнего его юбилея. М.: Тип. Т. Рис, 1869. С. 9–10.

Петербургского университета и духовной академии протоиерей Василий Гаврилович Рождественский указал на взаимосвязь духовных академий и университетов, образовавшуюся в ходе исторического развития русского просвещения. Он выразил надежду, что она «будет крепка и впредь в великом деле служения науке на пользу и славу дорогого Отечества»¹³.

Содержание университетских лекций по богословию при наличии официально рекомендованных пособий в значительной мере определялось самими профессорами и отражало их мировоззрение, понимание задач высшего образования в России, представление о значении богословских знаний для деятельности человека в той или иной сфере и патриотические убеждения.

Первым профессором богословия воссозданного С.-Петербургского университета стал по приглашению графа С.С. Уварова протоиерей Герасим Петрович Павский (1787–1863) — один из первых выпускников Петербургской духовной академии, закончивший ее со степенью магистра богословия, знаток древних и новых языков, священник Казанского собора. Университетскую кафедру богословия он занимал в 1819–1827 гг., после ухода законоучителя Главного Педагогического института протоиерея Симеона Платонова. Приглашению Павского в университет способствовало преподавание им Закона Божия воспитанникам первого курса Императорского Царскосельского лицея (с октября 1816 г. по июль 1817 г.)¹⁴. Уваров, как писал его биограф, «ещё в первые годы своей службы в Петербурге успел познакомиться с Павским как с первым русским гебраистом и знатоком литературы Востока. Беседуя с ним о любимой науке, он также не мог не заметить в последнем блестящего ума и всестороннего образования, что и заставило его пригласить Павского занять университетскую кафедру богословия»¹⁵. Павский был сторонником изучения Священного Писания путем обращения к первоисточникам независимо от схоластических католических традиций и руководств. «Не язык (еврейский) был мне дорог, —

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 7465. Л. 127.

¹⁴ В течение кратковременного пребывания протоиерея Г.П. Павского в Лицее произошло его знакомство с Александром Пушкиным, после которого поэт отзывался о нем как об «умном, ученом и добром священнике». Цит. по: Пушкин А.С. Полн. собр.: В 9 т. Т. IX. Л., 1937. С. 524–525.

¹⁵ Протопопов С.В., *прот.* Протоиерей Герасим Петрович Павский (Биографический очерк). СПб.: Тип. духов. журнала «Странник», 1876. С. 37.

писал он в автобиографии, — а св. писание, чистое, неискажённое толкованиями; посредством знания языка я хотел дойти до верного толкования и понимания св. писания. А известно, что верное понимание еврейского языка ведёт к пониманию богословия»¹⁶. М.П. Погодин назвал его «учёнейшим человеком своего времени»; по мнению В.Г. Белинского, он один стоил целой Академии наук. Эту личность характеризовали как «великую силу в литературе и науке XIX века, <...> отличного богослова, знаменитого филолога, <...> выдающегося патриота с великими качествами правды и чести»¹⁷.

Павский впервые выработал тип высшего богословского курса для светских слушателей¹⁸. В университете он читал (совместно или один за другим) следующие богословские предметы: «положительное» (т. е. догматическое и нравственное) православное богословие, а также авторский уникальный курс «История постепенного раскрытия религиозных понятий в человеческом роде», или «История развития религиозных идей в человеческом обществе», особенно интересовавший студентов. В 1827 г. в «Обзрении порядка, в каком преподаётся Закон Божий в С.-Петербургском университете» прот. Г. Павский отметил: «Вступив в должность законоучителя уже в половине университетского курса на место прежнего законоучителя, видел, что студенты имеют понятия о религии и с исторической, и с нравственной, и с догматической точки зрения, но что сии понятия не представлены во взаимной связи и целости, и потому лучше признал я методою ту, в которой бы религия представлена была в естественном историческом её развитии и замечаемы были важные в истории случаи, в которых подробнее раскрывается учение и нравственность»¹⁹. Предложенное Павским изучение генетического развития догматов соответствовало задачам

¹⁶ Барсов Н.И. Протоиерей Герасим Петрович Павский. (Очерк его жизни по новым материалам). 1787–1863 // Русская старина. Т. 27. 1880. С. 126, 128.

¹⁷ Родосский А. Биографический словарь студентов первых XXVIII курсов Санкт-Петербургской духовной академии. 1814–1869. СПб., 1907. С. 343–344.

¹⁸ Барсов Н.И. Указ. соч. С. 112. — Примечательно, что по просьбе Рунича, в 1823 г. Павский составил конспект преподавания Закона Божия для всех учебных заведений Петербургского учебного округа. См.: Протопопов С.В., *прот.* Указ. соч. С. 34.

¹⁹ Цит. по: С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности: Материалы по истории С.-Петербургского университета / Сост. И.Л. Маяковский, А.С. Николаев; под ред. С.В. Рождественского. Пг., 1919. С. 507.

преподавания богословия в высшей школе, согласно проекту С.С.Уварова 1811 г.²⁰ Этот курс представлял собой, как писал Н.И.Барсов, «нечто среднее между так называемым основным богословием, которое, как особая наука, не преподавалось в то время даже в духовных академиях <...>, и философией религии, также неизвестной в то время. <...> Павский старался <...> рационализировать религиозное учение, сопоставить его с общечеловеческим мирозерцанием научным и доказать состоятельность его предзапросами рационалистического отрицания»²¹. В связи с этим он стремился развить в слушателях твёрдость религиозных убеждений²². Профессор знакомил студентов «с духом Священного Писания при непрестанных указаниях на места, из писания заимствованные», занимался с ними чтением «священных книг с разбором»²³, а также рассказывал о церковных древностях.

Впоследствии академик А.В.Никитенко отмечал на торжественном собрании Академии наук 29 декабря 1863 г.: «Курс его был очень обширен и богат содержанием. <...> В чтениях Павского было что-то совершенно своеобразное, ему одному свойственное, важность и почти младенческое добросердечие, сила и простота, соединённая с глубиной воззрений и удивительным богатством знания, и действие этих чтений содержало в себе так много связующего душевные силы слушателей его с предметом учения, что для них становилось одним и тем же — знать, убеждаться и чувствовать»²⁴. Именно этим профессор сумел привлечь в свою аудиторию толпу студентов, заставив их «внимательно слушать серьёзную богословскую науку, которая обыкновенно в университетах считается менее занимательной среди прочих наук университетского курса»²⁵. Он имел большое влияние на несколько поколений университетского юношества²⁶.

²⁰ Барсов Н.И. Указ. соч. С. 122.

²¹ Там же. С. 500.

²² Протопопов С.В. Указ. соч. С. 38.

²³ Цит. по: С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. С. 511.

²⁴ Цит. по: Барсов Н.И. Указ. соч. С. 501–502; С.-Петербургские ведомости. 1864. № 9.

²⁵ Протопопов С.В. Указ. соч. С. 37.

²⁶ Барсов Н.И. Указ. соч. С. 119. См. также: Чистович И., Протоиерей Г.П.Павский. [СПб.], 1863. С. 6–7.

В 1821 г. новый попечитель Петербургского учебного округа Д.П.Рунич, сначала несколько благоволивший к Павскому, запретил чтение его курса и ограничил программу рамками учебников. Следствием этого стали, по выражению прот. С.В.Протопопова, «упадок религиозного чувства и нравственности, застой в области умственной и научной и лицемерие»²⁷. Только в 1824 г., с приходом на пост министра народного просвещения адмирала А.С.Шишкова, Павский возобновил свои лекции. Важно отметить, что в 1821 г. Герасим Петрович получил степень доктора богословия не только за перевод священных книг с еврейского на русский язык, но и за «основательные уроки богословия — в С.-Петербургском университете и еврейского языка — в академии»²⁸.

В 1827 г. Павский был вынужден покинуть университетскую кафедру, так как был назначен преподавателем Закона Божия детям Николая I: наследнику престола — будущему императору Александру II, великим князьям Марии, Ольге и Александре. Он также являлся духовником цесаревича.

С середины 1827 по март 1836 г. кафедру богословия занимал протоиерей Василий Борисович Бажанов (1800–1883). В отличие от предшественника, он читал традиционные курсы догматического и нравственного богословия. Тем не менее, по свидетельству питомцев университета 1820–1830-х годов, Бажанов стал достойным преемником: «чтения знаменитого гебраиста Павского вводили умы слушателей в круг понятий и чаяний ветхозаветных пророков, а лекции Бажанова действовали на сердца и нравственное чувство слушателей, будучи проникнуты духом Нового Завета, раскрывая высокие истины христианства»²⁹. По воспоминанию И. В. Толмачёва, это был «светлый церковно-общественный мыслитель и деятель», «выдающийся богослов и редкий профессор — законоучитель, глубоко понимавший нужды современных ему церкви и общества»³⁰.

²⁷ Протопопов С.В. Указ. соч. С. 43.

²⁸ Чистович И. История С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1857. С. 396.

²⁹ Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1873–1874 академического года с приложениями. № 9. СПб., 1874. С. 65.

³⁰ Толмачёв И. Памяти в Бозе почившего протопресвитера, члена Св. Синода и духовника их Императорских Величеств Василия Борисовича Бажанова

Профессор протоиерей Бажанов был убеждён, что именно религия, как главная опора нравственности, организует людей в целостное общество³¹, и поэтому благоустройство государства во многом зависит от успехов «истинного Христианского просвещения», а упадок религии и нравственности — верный признак близкого падения государства³². Как подлинный патриот, Бажанов стремился воспитать и в студентах любовь к Родине — христианское человеколюбие, проявляющееся в ревностном способствовании общему благу — главной цели гражданского единения³³. Большое внимание в лекциях Бажанов уделял вопросам взаимоотношений человека с ближними.

О преподавании Бажанова Ф.Н.Фортунатов вспоминал: «Возражения от студентов на лекциях Василий Борисович выслушивал с терпением и не оставлял без ответов; неосновательность возражений некоторых из совопросников профессор умел искусно обличать, для чего иногда прибегал к совопросительному способу раздумления. Усилившиеся в одно время, эти возражения были поводом к произнесению профессором в университетской церкви в воскресный день, по окончании литургии, проповеди к студентам, в которой изложены были причины неверия. Вообще Василий Борисович время от времени произносил поучения студентам, отличавшиеся особенно простотою и в то же время согретыми теплотою любви; они имели целью врачевать душевные недуги его слушателей и раскрывать пред ними бесконечное милосердие Божие, являемое всем и каждому»³⁴. В.В.Григорьев отмечал: «Как универси-

Слово в 40-й день по кончине протопресвитера В. Б. Бажанова, произнесённое 8 сентября в кладбищенской церкви Александро-Невской лавры. М., 1883. С. 5.

³¹ См.: *Бажанов В.Б., прот.* О религии. СПб., 1862. С. 4.

³² См.: *Бажанов В.Б., прот.* Об обязанности христианина. СПб., 1839. С. 191, 127.

³³ Там же. С. 191.

³⁴ *Фортунатов Ф.Н.* Указ. соч. С. 10–11. В одном из таких поучений профессор наставлял учащихся: «Старайтесь употреблять остающееся от ваших занятий время на чтение таких книг, которые с приятным соединяли бы полезное, которые руководствовали бы вас к истинной мудрости и благочестию, питали и поддерживали в вас благочестивые чувства к Богу и дружественные расположения к ближним, воспламеняли в вашем сердце священную, сыновнюю любовь к Отечеству и возвышали дух ваш от земного к небесному». Цит. по: *Бажанов В.Б., прот.* Речь к студентам Императорского Санкт-петербургского Университета и воспитанникам Благородного Пансиона, гото-

тетский преподаватель, оставил он по себе память в сердцах слушателей преимущественно прямою, благородством и твёрдостью кротостью своего характера. Его изложение религиозных истин отличалось теплотою, ясностью и изящной простотою»³⁵. Лекции Бажанова привлекали, благодаря рассказам студентов старших курсов, множество слушателей, и не только православного вероисповедания, но даже тех, для кого они не были обязательными³⁶. Коллеги-преподаватели и студенты любили и уважали Бажанова за его благородный характер, за беспристрастие и превосходный дар преподавания, и бывшие ученики спустя много лет обращались к нему за советами и помощью.

Неслучайно в поздравительном адресе, поднесённом Бажанову по случаю 50-летия его «просвещенной деятельности на пользу русской церкви» 1 августа 1873 г., говорилось: «Воспоминание о трудах и заслугах ваших тем более дорого для нашего университета, что ему посвящена была значительная доля Вашей деятельности. Вы были призваны на кафедру богословия в такое время, когда университет наш, переживший годину испытания, нуждался в поддержании науки на подобающей ей высоте. Ваше живое, ясное и одушевлённое изложение Евангельских истин производило благотворное действие на умы и сердца многочисленных слушателей. Имя Ваше останется навсегда памятным в летописи истинных заслуг на пользу университетского образования»³⁷.

вишимся к Исповеди // Бажанов В.Б., прот. Слова и речи. 3-е изд. СПб., 1858. С. 203.

³⁵ *Григорьев В.В.* Императорский С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб., 1870. С. 40, примеч. 115. И. Толмачев также вспоминал: «Его слово, одушевлённое верою и любовью, было со властью, проникало до глубины души и, исходя из сердца, трогало сердца его учеников» (*Толмачёв И.* Указ. соч. С. 5).

³⁶ *Колмаков Н.М.* Очерки и воспоминания. Гл. вторая: 1829–1840 гг. // Русская старина. 1891. Май. С. 459.

³⁷ *Желобовский А.* Пятидесятилетний юбилей протопресвитера Василия Борисовича Бажанова. СПб., 1873. С. 14–15. — Поздравление подписали исполняющий должность ректора университета С. Пахман, представители факультетов: историко-филологического — ординарный профессор М. Сухомлинов, физико-математического — заслуженный профессор И. Сомов, юридического — ординарный профессор Н. Таганцев, восточных языков — ординарный профессор Коссович, а также секретарь Совета университета С. Загибе-

Одновременно (с 1829 г.) Бажанов был преподавателем богословия в Главном Педагогическом институте; а в 1835 г. назначен законоучителем наследника цесаревича и до 1860 г. состоял законоучителем всей царской семьи, а с 1848 г. избран на должность царского духовника, которым состоял при трёх императорах. Кроме того, как протопресвитер и член Св. Синода Бажанов фактически являлся главой всего белого духовенства России. В 1837 г. за печатные труды по истолкованию христианских обязанностей (почетные слова и речи) и за обширные и основательные сведения в предметах христианского богословия он был удостоен высшей и редкой в то время учёной степени доктора богословия³⁸.

В течение двух десятилетий (1836–1856 гг.) профессором богословия в Петербургском университете являлся протоиерей Андрей Иванович Райковский (1802–1860), также выпускник Санкт-Петербургской духовной академии. Это был умный и широко образованный священник, обладавший громадным знанием церковных книг, благодаря чему отличался «диалектикою в спорах с раскольниками и сектантами»³⁹. Райковский преподавал нравственное и догматическое богословие, главным образом, по собственным записям. Будучи убеждён в главенствующем значении нравственных ценностей над материальными, он отводил православному богословию первое место среди наук, «особенно благотворных и необходимых для истинного просвещения христианина» и свою главную цель видел в том, чтобы «утвердить в православном христианине правую Веру, действующую любовью»⁴⁰.

Райковский читал лекции в самой большой университетской аудитории (XI)⁴¹, но, несмотря на это, по мнению В.В. Григорьева, его преподавание после Павского и Бажанова казалось сухим, холодным и не соответствовало уровню университетской науки⁴². Ф.Н. Устрялов так вспоминал об этих лекциях: «Собственно говоря, слушать их не предстояло никакой надобности. Стоило лишь <...>

³⁸ Чистович И. История С.-Петербургской духовной академии. С. 397.

³⁹ Устрялов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете в 1852–1856 годах // Исторический вестник. 1884. Т. XVI. С. 584.

⁴⁰ Райковский А.И., прот. Христианское православное догматическое богословие: [Лекции, читанные в С.-Петербургском ун-те]. 1846 и 1847 гг. СПб., [1847]. С. 23, 26.

⁴¹ Устрялов Ф.Н. Указ. соч. С. 590.

⁴² Григорьев В.В. Указ. соч. С. 132.

купить “Догматическое богословие” архимандрита Макария (впоследствии митрополита Московского) и записки, литографированные из теоретического богословия, продававшиеся у нашего швейцара Савельича руб. за 7 или 8, и по этим двум пособиям легко можно было подготовиться к экзамену из богословия. Но полечитель, бывая на лекциях ежедневно, весьма строго следил за посещением их студентами, в особенности новичками, а потому приходилось поневоле испытывать непреодолимую скуку, не ожидая себе никакой пользы»⁴³. По впечатлению Н.М. Колмакова, в 1850-е годы — время «гонений на науку вообще» — лекции Райковского по богословию, философии и логике представляли собой «набор бесцветных фраз, нравучений, сказанных без всякой системы и толку». Однажды на лекции произошёл курьёзный случай. Профессор «...» исчислял совершенства Господа Бога и определял величие Его.

Вдруг студент Павел Зубов встаёт и произносит громогласно басом и с пафосом:

— По-моему, Господь Бог есть величайший поэт, а мироздание его есть величественная поэма!

Услышав это, Райковский поднял руки кверху и вскричал: “Боже, что я слышу?” и засим стремительно бросился к выходу из аудитории. Произошёл конфуз, разразившийся общим дружеским и продолжительным смехом. Кажется, Райковский жаловался кому следует. Зубова призывали и он по-своему подтвердил правдивость своего определения о Боге. Таким образом, жалоба Райковского осталась без последствий»⁴⁴.

Райковский возбуждал жалобы студентов своими неуместными требованиями и педантизмом, что дало основание В.М. Сорокину назвать престарелого протоиерея «типичным представителем церковников старого закала»⁴⁵.

В 1856 г. на кафедре богословия, логики и опытной психологии был назначен протоиерей Иоанн Леонтьевич Янышев (1826–1910). Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии 1849 г., он с 1852 г. служил священником православной церкви в Висбадене. Молодой богослов приступил к делу с горячей любовью и встретил

⁴³ Устрялов Ф.Н. Указ. соч. С. 590.

⁴⁴ Колмаков Н.М. Указ. соч. С. 459, 460.

⁴⁵ Сорокин В.М. Воспоминания старого студента // Русская старина. 1888.

в слушателях большое сочувствие⁴⁶. Ему удалось, по словам современника, «сразу оживить преподаваемые им науки, так что число слушателей его росло не по дням, а по часам, аудитория оказалась тесной и лекции пришлось перенести в большой университетский зал, — явление, далеко не часто повторяющееся в стенах высших храмов науки»⁴⁷. Используя определённые пособия по богословию, он стремился противостоять антихристианскому направлению зарубежной литературы, которой в середине XIX в. стала увлекаться университетская молодёжь, поэтому его лекции носили апологетический характер⁴⁸. Янышев обладал незаурядным талантом преподавателя: читал «ясно, отчётливо, с большою энергиею и одушевлением, словом живым, свободным, изящным, часто увлекательным»⁴⁹. Но вследствие расстроенного здоровья Янышеву пришлось оставить университетскую кафедру, и в 1858 г. он был определен священником церкви при российском посольстве в Берлине, а в 1864 г. приглашен преподавать Закон Божий детской принцессе Дагмаре, ставшей русской императрицей Марией Федоровной. В 1866 г. он был назначен ректором Петербургской духовной академии и занимал эту должность до 1883 г., когда стал духовником императорской семьи, сменив на этом посту прот. В.Б. Бажанова.

В 1858 г. университетскую кафедру занял магистр богословия протоиерей Василий Петрович Полисадов (1815–1878). Выпускник Московской духовной академии, он с 1847 г. служил как священник при российских посольствах за границей (в Швейцарии, Париже и Берлине), что способствовало его дальнейшему образованию. Он не только хорошо знал западноевропейскую литературу по богословию и философии, но и основательно изучил методы преподавания этих дисциплин в католических и протестантских университетах, усердно посещая лекции наиболее известных богословов и философов в Сорбонне, College de France, Берлинском университете. Поэтому к началу деятельности в Петербургском университете Полисадов обладал богатым запасом знаний и опыта и, по мнению

⁴⁶ Григорьев В. В. Указ. соч. С. 133.

⁴⁷ А.Л. Знаменательный юбилей. 50-летие священнослужения протоиерея и духовника Их Императорских Величеств Иоанна Леонтьевича Янышева // Церковный вестник. 1902. № 1. С. 7.

⁴⁸ См.: Григорьев В. В. Указ. соч. С. 133.

⁴⁹ Цит. по: Чистович И. С.-Петербургская духовная академия за последние 30 лет (1858–1888). СПб., 1889. С. 144.

И.В. Григорьева, было нелегко представить себе преподавателя, более подготовленного «к трудному и важному служению евангельской истине на университетской кафедре»⁵⁰. Интересную и яркую характеристику профессора Полисадова оставил один из выпускников: «Мы были приятно изумлены, когда <...> в университетском коридоре вдруг появился красавец-брюнет с удивительно красивыми чёрными глазами, в рясе из муар-антик, более походившей своим франтовским покроем на какой-то длинный пальто-реглан, с белоснежными воротничками и манжетами и в лакированных сапогах. На вступительной лекции, происходившей в большой актовом зале, при огромном стечении слушателей, этот блестящий лектор, только что вернувшийся из-за границы, где он служил, кажется, при русской церкви королевы Нидерландской Анны Павловны, произвёл просто фурор своим совершенно светским красноречием, непрерывными цитатами из греческих, римских, немецких и французских философов. С первого же раза он сделался среди нас и среди интересовавшегося университетом петербургского общества весьма популярным, и как профессор, и как человек, а между дамами, разумеется, — и как очаровательный мужчина. На первое время все живо заинтересовались этим новым, столь необычным среди наших законоучителей явлением, но удивление это скоро стало остывать, по мере того, как слушатели стали замечать в лекциях Полисадова гораздо более стремления к внешнему эффекту и дешёвой популярности, чем искренности и действительной учёности. Тем не менее <...> он до конца считался одним из передовых наших профессоров»⁵¹.

Полисадов как педагог видел свою миссию в опровержении таких распространённых теорий — «заблуждений», как материализм и пантеистический рационализм. Откликаясь на потребности слушателей, он посвящал лекции обоснованию и защите «естественной» религиозности человека⁵². Преподавание богословия в университете в эпоху сомнений, всевозможных вопросов «Как?» и «Почему?» — это, по его мнению, путь предостережения молодых людей, уже требовавших «анализа веры», от опасности неверия и крайности — нигилизма. Поэтому Полисадов, считая, что студенты

⁵⁰ Григорьев В. В. Указ. соч. С. 134.

⁵¹ Сорокин В. Указ. соч. С. 629.

⁵² См.: Григорьев В. В. Указ. соч. С. 135–136.

оставили детскую простоту веры, стремился преподавать богословие как «истину осмысленную, научную», что могло дать свободу мысли (в гимназиях же такая задача не ставилась), и придерживался апологетического метода чтения лекций, который допускал «здоровое любомудрие», и объяснял «истину положительную из всех законных источников ведения человеческого»⁵³.

Студенты, однако, не воспринимали наставления профессора всерьёз. Первокурсники были не особенно внимательны и даже вели себя порой недостаточно сдержанно⁵⁴. Так, В. Сорокин вспоминал: «Научные требования Полисадова от своих слушателей были более, чем снисходительны. Лекции его, вскоре после их открытия, огромным большинством студентов совсем перестали посещаться, а когда перед экзаменами некоторые обращались к товарищам с просьбами о записках по богословию, им со смехом отвечали: “Кто-ж составляет у Полисадова записки! Болтай на экзамене, что вздумается, как он сам болтает, вот и всё!” И действительно, я сам был очевидцем, как на экзамене, при торжественной обстановке, в присутствии ректора университета, архиерея, нескольких ассистентов, экзаменовавшихся, вынув билет по богословию, произносили скороговоркой, ни с того, ни с сего, несколько славянских текстов из пространного катехизиса, очевидно, оставшихся в их памяти ещё от гимназического зубренья, и Полисадов, одобрительно кивая головой и улыбаясь, спешил прекратить эту болтовню словами: “очень хорошо-с! прекрасно-с! довольно-с!” и ставил пятерку»⁵⁵.

В 1871 г. Полисадов вышел в отставку по болезни, и с 1 ноября 1871 г. кафедру занял протоиерей, священник Казанского собора Фёдор Фёдорович Сидонский (1805–1873), избранный на неё почти единогласно. С 1864 г. он являлся почетным доктором философии Петербургского университета, а в 1865 г. был приглашён читать здесь курс философии. Впоследствии известный геолог, профессор

⁵³ Полисадов В. П. Очерк уроков по кафедре Православного богословия, читанных в С.-Петербургском университете в 1863/4 академическом году, составленный студентами / Сост. Виноградский, Шалфеев и Образцов. СПб., 1864. С. 4.

⁵⁴ См.: Пантелеев А. П. Женщины в Петербургском университете // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: В 3 т. Т. 1: Петербургский университет. 1819–1895 / Под ред. проф. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. С. 63.

⁵⁵ Сорокин В. Указ. соч. С. 630.

Петербургского университета А. А. Иностранцев писал: «Меня особенно тянуло послушать лекции по философии, которые читал тогда протоиерей Сидонский. Читал он очень интересно и, главное, настолько ясно и медленно публично мыслил, что следить за ним мог всякий образованный человек»⁵⁶. Лекции Сидонского «Генетическое введение в богословие», изданные в 1877 г. по записям студентов, являлись, по оценке А. Ф. Селиванова, его лучшим трудом; как и другие сочинения, они распространяли здоровые философские понятия⁵⁷.

Значение преподавания богословия в университете, с точки зрения Сидонского, в том, что оно должно способствовать всестороннему духовному развитию будущих профессионалов, исследователей: «Образование, просвещение, учёность не уничтожают религии в сердце человека»⁵⁸. Подобно прот. В. Б. Бажанову, он говорил: «Кто <...> стал на специальное поприще научных занятий, тот должен усиливаться пополнять своё образование и развитие именно раскрытием в себе чувств религиозных и особенно основательным разъяснением для себя воззрений христианской религии, усвоением их своему сердцу. Наука даёт хлеб насущный, но религиозный строй закаляет сердце на все перемены и требования жизни в отношении к товариществу, к обществу, к государству, а ещё более к самому себе. Без усвоения себе в плоть и кровь истин христианства, человек не может выработать из себя человека в строгом смысле этого слова. <...> Каждый из нас, а тем больше учёный, должен стремиться к восстановлению в себе этого человека. И эти стремления я хотел бы привить и вам»⁵⁹. Сидонский в лекциях осуждал крайнее проявление позитивизма — отвержение идеального, духовного в мире и личности. Основу такого взгляда он видел в неверном понимании свободы, в соответствии с которым отрицалась любая законность и свобода подменялась безалаберностью, произволом⁶⁰. В рецензии на публикацию лекций Сидонского

⁵⁶ Иностранцев А. А. Воспоминания (Автобиография) / Подгот. текста, вступит. ст. и коммент. В. А. Прозоровского, И. Л. Тихонова. СПб., 1998. С. 75.

⁵⁷ Селиванов А. Ф. Протоиерей Фёдор Фёдорович Сидонский (Краткий биографический очерк.). Тверь, 1904. С. 2, 4.

⁵⁸ Сидонский Ф. Ф. Генетическое введение в православное богословие: Лекции (по записям студентов). СПб., 1877. С. 25.

⁵⁹ Там же. С. 8–9.

⁶⁰ Там же. С. 26.

Н.П.Рожественский отметил, что в то время, когда в исследованиях по богословию и философии преобладал историко-критический метод, они затрагивали актуальные мировоззренческие проблемы и явились ценным вкладом в русскую богословскую науку⁶¹.

Прот. Ф.Ф.Сидонский, обладая обширными и многосторонними знаниями, оставил свой след в истории русской философии и заслужил глубокое уважение университетских коллег и слушателей, но его преподавание на кафедре было всего двухлетним, до его кончины 6 декабря 1873 г. Несмотря на это, профессор М.И. Сухомлинов в отчете университета за 1873 г., говоря о кафедре богословия, «которая по справедливости может гордиться именами Павского, Бажанова, Янышева», назвал Сидонского их уважаемым преемником и при этом даже не упомянул о многолетней деятельности протоиереев А.И.Райковского и В.П.Полисадова⁶².

После кончины протоиерея Ф.Ф.Сидонского кафедра пустовала более полугодом, и в весеннем семестре 1874 г. лекции по богословию вообще не читались. В сентябре профессором богословия в Петербургском университете был избран (32 голоса против 6) магистр богословия Василий Гаврилович Рожественский (1839–1917). Он занимал кафедру наиболее продолжительное время — до 1915 г. (почти 42 года), что уже можно рассматривать как выдающееся явление. Благодаря этому позволим себе охарактеризовать его личность и деятельность более подробно.

В.Г.Рожественский по окончании С.-Петербургской духовной академии в 1865 г. был назначен в Казанскую духовную академию на должность бакалавра по кафедре логики, истории философии и нравственной философии. В 1867 г., вскоре после своего утверждения в степени магистра богословия, вернулся в Петербург и стал служить в С.-Петербургской духовной семинарии помощником ректора по профессорской должности, затем членом правления и преподавателем догматического и нравственного богословия. С

⁶¹ *Рожественский Н.П.* По поводу предпринимаемого редакцией печатания богословских лекций о. Сидонского // Христианское чтение. 1876. № 9–10. С. 299, 336.

⁶² Отчёт о состоянии деятельности С.-Петербургского университета за 1873 год, читанный на публичном акте Университета 8 февраля 1874 г. ординарным профессором М.И.Сухомлиновым // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1873–1874 акад. года. № 9. СПб., 1874. С. 63.

1869 г. преподавал в Санкт-Петербургской духовной академии, когда был избран и утверждён в должности доцента по кафедре Священного Писания Нового Завета. Службу в академии он оставил в 1891 г., а в 1892 г. был избран её почётным членом.

Основанием для его избрания на вакантную кафедру богословия в университете стала высокая оценка его заслуг, данная М.И.Владиславлевым: «Сочинения г. Рожественского, несомненно, доказывают, что он человек, понимающий потребности науки, образованный богослов, признающий свободу научных исследований. Продолжительная преподавательская деятельность в высших учебных заведениях научила его понимать нужды студентов»⁶³. Действительно, он хорошо знал достижения не только богословия, философии и церковной истории, но также физики, химии, астрономии, биологии, этики, психологии, интересовался проблемами теории научного познания⁶⁴. Владиславлев, назвав его магистерскую диссертацию «Материализм Бюхнера» лучшим сочинением из имеющихся в русской духовной литературе по этому предмету, отметил, что автор «понимает слабые стороны поверхностных учений, выдающих себя за последнее слово науки нашего времени»⁶⁵.

6 декабря 1874 г., он, как законоучитель, был рукоположен в сан священника с причислением к университетской церкви. Её штатным настоятелем он стал 4 марта 1880 г., сменив на этой должности протоиерея Павла Фёдоровича Солярского. Кроме того, он исполнял обязанности священника в дворцовой церкви великой княгини Екатерины Михайловны⁶⁶. Первая, вступительная, лекция профессора Рожественского состоялась 20 декабря 1874 г.⁶⁷ С 1892 г. Рожественский являлся заслуженным, а в связи с 30-ле-

⁶³ *Владиславлев М.И.* Записка об учёных трудах доцента С.-Петербургской духовной академии В.Г.Рожественского // Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за первую половину 1874–1875 академического года. СПб., 1875. С. 31.

⁶⁴ Об этом свидетельствует состав его личной библиотеки, который можно проследить по записям в инвентарной книге ОРК Научной библиотеки СПбГУ: в 1915 г. он подарил библиотеке 2094 тома, остальные 2135 томов поступили по его завещанию в 1918 г. См.: *Горфункель А.Х., Николаев Н.И.* Неотчуждаемая ценность: Рассказы о книжных редкостях университетской библиотеки. Л., 1984. С. 161–175.

⁶⁵ *Владиславлев М.И.* Указ. соч. С. 30.

⁶⁶ С.-Петербургский духовный вестник. 1899. № 46. С. 542.

⁶⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 7465. Л. 46.

тием учебной службы (9 октября 1895 г.) — внештатным профессором⁶⁸.

Служение делу отечественного духовного просвещения и защита христианства являлись главным содержанием педагогической деятельности профессора. Рождественский понимал образование, среднее и особенно высшее, как «полное и всестороннее развитие духовной личности человека», «облагорожение, одухотворение всех её сил и стремлений»⁶⁹, несмотря на возникавшие в обществе предложения об отделении науки от веры и школы от церкви⁷⁰. Оно должно, по его мысли, подчиняться высшей нравственной идее, соответствовать историческому призванию русского народа и его жизненным потребностям⁷¹. Университет призван дать России истинных учёных — бескорыстных, самоотверженных тружеников и просветителей⁷². Задача высшего образования, по мнению профессора, — «объединить духовно, нравственно всю эту массу молодых, кипучих сил, одушевить её горячею, искреннею любовью к свету науки, знания, направить каждого на соответствующую его силам работу, специальные занятия». Поэтому он призывал коллег следовать воле императора Николая II, выраженной в рескрипте 1902 г. на имя управляющего Министерством народного просвещения: «Я ожидаю от учебной администрации и профессоров сердечного и предусмотрительного участия к духовному миру вверенной их попечениям молодёжи»⁷³.

⁶⁸ Его пенсия приравнивалась к полному окладу содержания профессора богословия — 3000 рублей в год. Помимо этого, он получал вознаграждение за чтение лекций — 1200 рублей в год, 660 рублей по должности настоятеля церкви, итого 4860 рублей в год и имел казенную квартиру (по адресу: 5-я линия В. О., д. № 10, кв. 5) // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 7465. Л. 91–93, 95, 100.

⁶⁹ *Рождественский В. Г.* Значение школы в народной жизни и необходимые условия её благотворности (Речь, сказанная в церкви С.-Петербургского университета на молебне пред началом торжественного годовичного акта 8 февр. 1878 г.) // *Церковный вестник*. 1878. № 7. С. 3.

⁷⁰ *Рождественский В. Г.* Наука и вера (Речь, сказанная в церкви С.-Петербургского университета на молебне по случаю годовичного университет. акта 8 февр. 1875 г.) // *Церковный вестник*. 1875. № 7. С. 3.

⁷¹ *Рождественский В. Г., прот.* Значение школы в народной жизни... С. 4.

⁷² *Рождественский В. Г., прот.* Наука и вера. С. 3.

⁷³ *Рождественский В. Г., прот.* Задачи высшего образования: Речь, сказанная на молебне перед началом учения // *Церковный вестник*. 1902. № 37. С. 1158–1159.

Культурную миссию университетов Рождественский видел в том, чтобы предоставить не только специальное, но и широкое общее образование, дать представление о сущности и высоких целях науки. В Петербургском университете, а также на Высших женских курсах (в 1891/92–1895/96 уч. гг.)⁷⁴ он читал лекции по Основному богословию. Глубоко убеждённый, в противоположность материалистам, в том, что мир — это живой организм, он отстаивал идею целостности, системности мировоззрения⁷⁵. Профессор говорил, что религия и наука суть «два духовные глаза человечества, из которых один устремлён в мир высший, духовный, а другой обращён в мир видимый, вещественный, мир явлений», и научные знания получают свою законченность только в связи с истинами религиозными как основными, касающимися высших и конечных вопросов бытия⁷⁶. Поэтому он называл христианство религией «свободного и бесконечного умственного развития и прогресса»⁷⁷, которые должны определяться духовными, нравственными целями⁷⁸. Основное богословие, или христианская апологетика, как дисциплина, по его мнению, было призвано установить гармонию между науками строго богословскими и светскими, которые являются взаимодополняющими частями единой, целостной науки о мире как об универсуме. Курс Основного богословия включал изучение как «общих, коренных, догматических и исторических оснований» христианст-

⁷⁴ С.-Петербургские Высшие Женские Курсы за 25 лет 1878–1903: Очерки и материалы. Издание Комитета Общества для доставления средств Высшим Женским Курсам в С.-Петербурге. СПб., 1903. С. 3.

⁷⁵ *Рождественский В. Г., прот.* Материализм Бюхнера [Магистерская диссертация] // *Христианское чтение*. 1868. Ч. 2. С. 149.

⁷⁶ *Рождественский В. Г., прот.* Лекции по основному богословию 1879/80 г. СПб., [1880]. С. 37, 67. — Неслучайно Рождественский высоко ценил своего университетского коллегу, профессора В. С. Соловьёва, который, по его словам, «взял на себя нелёгкую задачу — выявить пред сознанием русского образованного общества основы цельного философского знания и практической деятельности» и, таким образом, «шёл навстречу одной из вопиющих жизненных потребностей нашего образованного общества». Цит. по: *Рождественский В. Г.* О значении философско-литературной деятельности В. С. Соловьёва для христианского богословия: Речь, читанная в публичном собрании С.-Петербургского философского о-ва 26 ноября 1900. СПб., 1901. С. 5.

⁷⁷ *Рождественский В. Г., прот.* Лекции по основному богословию 1879/80 г. С. 261.

⁷⁸ *Рождественский В. Г., прот.* Наука и вера. С. 3–4.

ва, так и различных антирелигиозных учений и теорий, ведущих к неверию⁷⁹. Именно в университете преподавание Основного богословия, по его мнению, обрело особую целесообразность, позволяя в эпоху специализации наук сделать образование целостным и законченным⁸⁰. Свою задачу он видел в том, чтобы быть защитником высших, идеальных начал христианства⁸¹.

⁷⁹ *Рождественский В.Г., прот.* Лекции по богословию 1891/92 уч. г. Высшие женские курсы. Курсы I–II. [СПб.], [1891]. С. 3. — Рождественский в одной из университетских проповедей 1901 г. так охарактеризовал свое время: «<...> всякого рода лжеучения, давно уже и разными путями, — и путём печати, и путём школы, — усердно распространяемые просветителями общества и народа, внесли в духовную жизнь нашу такую путаницу, такое искажение основных религиозных и нравственных понятий, что, принадлежа, по-видимому, к одному и тому же христианскому православному обществу, <...> мы перестали, наконец, просто понимать друг друга: дети не понимают родителей, смотрят на них как на людей отсталых, неспособных якобы возвыситься до понимания высоких руководящих идей века; высшие классы общества, так называемая интеллигенция, по большей части не понимают духа и строя церковно-религиозной жизни низших классов, не находя у них, в порядках их жизни, ничего, кроме якобы пустой, мертвящей обрядности; в свою очередь эти последние с недоумением, а иногда и с ужасом, смотрят на порядки жизни среди образованных классов, — <...> на вопиющее нарушение <...> благочестивых обычаев христианского благоповедения <...>» (Цит. по: *Рождественский В.Г., прот.* Христос пред судом мира: Слово в Великий пяток, сказ. в университетской церкви за вечернею, 7 апр. 1900 г. // Церковный вестник. 1901. № 13. С. 405). Профессор отмечал характерное для начала XX в. «шатание философской мысли, бросающейся из одной крайности в другую» (*Рождественский В.Г., прот.* Из чтений по христианской апологетике // Христианское чтение. 1906. С. 634–635).

⁸⁰ *Рождественский В.Г., прот.* Лекции основного богословия. СПб., 1883. С. 25, 26; *Он же.* Записка <...> о желательной постановке преподавания богословия в университете // Журналы заседания Совета Импер. С.-Петербургского университета за 1905 г. № 61. СПб., 1906. С. 300.

⁸¹ *Рождественский В.Г., прот.* Об изучении священного писания ввиду современных потребностей жизни и науки. Из вступит. лекции, читанной студентам академии I и III курсов 20 сент. 1869 г. // Христианское чтение. 1869. Ч. 2. С. 782. См. также: *Он же.* Христианские уроки по поводу одного из последних наставлений Господа И. Христа ученикам Своим. Слово в великий Пяток, произнесён. в церкви Импер. С.-Петербургского университета 3 апр. 1892 г. [СПб.], [1892]. С. 7; *Он же.* О долге исповедания веры. Слово в день памяти святителя и чудотворца св. Николая и тезоименитства Гос. Императора Николая Александровича. Произнесено в университетской церкви 6 дек. 1901 г. // Церковный вестник. 1901. № 50. С. 1585–1588.

О деликатности Рождественского по отношению к учёным-оппонентам свидетельствует случай из его педагогической практики. «На экзамене по богословию один студент, желая, по-видимому, подольститься к профессору, начал свой ответ таким образом:

— Известный богохульник Ренан в своих сочинениях пишет следующую нелепость.

Но Рождественский не поддался на удочку.

— Позвольте, молодой человек, — возразил он, — это для Вас, может быть, Ренан, так сказать, богохульник, пишущий нелепости, а для нас он, прежде всего, солидный учёный, с которым приходится, так сказать, полемизировать»⁸².

В лекциях и проповедях Рождественский раскрывал смысл таких понятий, как «любовь» и «свобода»⁸³. Именно искренняя любовь, «одушевляемая сознанием, а вместе и искренним желанием пользы обществу, России и науке, — это, по его мнению, «живая душа всякого дела»⁸⁴. Вопросу о сущности свободы Рождественский посвятил особую проповедь, произнесённую в 1869 г. в Александро-Невской лавре, в день рождения Царя-Освободителя — Александра II⁸⁵.

⁸² См.: *Васенко П.Г.* Мелочи прошлого быта / Предисл., подгот. текста, коммент. А.В. Сиренова. СПб., 2004. С. 34–35. — П.Г. Васенко рассказывает и о некоторых анекдотических ситуациях, по словам современников. К примеру, у профессора Рождественского была привычка часто приговаривать «так сказать». Это приводило к забавным случаям: например, на одной из лекций он сказал: «Иисус Христос, так сказать, сын Божий». Под стать бывали и ответы студентов. Так, один из них начал свой ответ словами: «Иисус Христос был сыном бедных, но благородных родителей» (см.: Там же).

⁸³ *Рождественский В.Г., прот.* Лекции по основному богословию 1879/80 г. С. 242.

⁸⁴ *Рождественский В.Г., прот.* Речь, произнесённая <...> после молебствия при открытии частных публичных лекций по «Сельскому хозяйству и основному для него наукам» 20 дек. 1898 г. в актовом зале Импер. С.-Петербургского ун-та. [СПб.], [1899].

⁸⁵ ОРК НБ им. М. Горького СПбГУ. Фонд В.Г. Рождественского. Ед. хр. 494. Л. 1–4: *Рождественский В.Г., прот.* Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Александра Николаевича, Императора и Самодержца Всероссийского. [Сказ. в Александро-Невской лавре 16 апр. 1869 г.]. Автограф В.Г. Рождественского. В этой речи, он, в частности, говорил: «Слово свободы всего чаще и всего громче раздаётся среди разнообразных толков нашего времени». Истинная же, полная, всеобщая и плодотворная свобода, которой не могут воспрепятствовать никакие внешние обстоятельства — внутренняя, душой. Рождественский пророчески предостерегал, что гражданская свобода

Коллеги по университету и прихожане его храма высоко оценили вклад Рождественского в дело отечественного просвещения. 6 декабря 1899 г. праздновалось 25-летие его педагогической деятельности. «С.-Петербургский духовный вестник» сообщал об этом: «Утром юбиларом совершена была в университетской церкви соборне с двумя священниками торжественная литургия, на которой присутствовали почти все профессора университета. По окончании богослужения юбилару поднесены были от почитателей и духовных его детей золотой наперсный крест, украшенный драгоценными камнями, и весьма художественной работы адрес с изящной виньеткой, изображающей здание университета и внутренность церкви, в папке из дорогой белой кожи с серебряными украшениями. Адрес, заключающий в себе весьма сочувственную характеристику юбилара, его постоянной и истинно отеческой отзывчивости к нуждам духовных детей, прочитан был деканом историко-филологического факультета заслуженным ординарным профессором П. В. Никитиным. Тут же вслед за этим юбилару поднесена была служащими при университете икона Св. Василия Великого в золотой ризе при очень сердечном адресе. На приветствия почтенный юбилар отвечал краткой речью, выразив всем глубокую благодарность. Чествование его затем продолжалось в его квартире, в которой в течение дня перебивали все профессора университета, многие из столичного духовенства и почитателей. Прислано немало приветственных телеграмм и писем из разных мест России»⁸⁶. Среди почитателей священника были представители разных сословий: петербургские купцы, чиновники, протоиерей В. Глебов, профессора А. Советов, А. Иностранцев, Н. Барсов и приват-доцент А. Щукарёв.

Полувековой юбилей священнослужения и учёной деятельности профессора протоиерея В. Г. Рождественского отмечался 9 октября 1915 г., поздравительный адрес юбилару от Совета профессоров университета был поднесён ректором профессором Э. Д. Гримом⁸⁷. В этом адресе, в частности, говорилось: «Мы не берём на себя смелости говорить о Ваших трудах в области богословской

не соответствующая христианским заповедям, подвергнет государство «самым гибельным проявлениям своеволия, безначалия, буйства страстей».

⁸⁶ Санкт-Петербургский духовный вестник. 1899. № 50. С. 597.

⁸⁷ 50-летний юбилей протоиерея В. Г. Рождественского // Известия С.-Петербургской епархии. 1915. № 41–42. С. 16.

науки; компетентными судьями в этом деле могут быть только лица, занимающиеся предметом Вашей специальности. <...> Трудно подвести точный итог и Вашим университетским занятиям со студентами по богословию; плоды этих занятий менее всего подлежат учёту, так как они оставляют след только в духовной настроенности слушателей. Но если бы собрать голоса всех Ваших слушателей, нечисляемых десятками тысяч, то между ними оказалось бы немало выражений искренней признательности Вам за спокойное и убедительное слово Вашего верующего сердца.

Вы были близки нам как добрый и отзывчивый пастырь церкви, как благоговейный служитель храма Божия. Кто имел случай узнать Вас с этой стороны, кому приходилось обращаться к Вам с духовными нуждами, тот не мог не оценить Вашего христианского смирения и той благородной простоты, которая привлекала к Вам, как к истинному духовному пастырю, общие симпатии и Ваших сослуживцев, и студентов. Этим поучительным примером Вашей собственной высоко-христианской жизни Вы оказывали на всех, соприкасавшихся с Вами, большее влияние, чем словом учёности, не всегда убедительным для сердца. В душах всех Ваших слушателей и духовных детей навсегда сохранится светлая память о Вас как о пастыре, отзывчивом на всякую духовную нужду, никогда ничем и никому не причинившем огорчения, а тем более обиды.

Нам, Вашим сослуживцам, радостно сознавать, что Вы и после того, как прошли 50-летний подвиг духовного учительства, не покидаете университетской семьи, оставаясь членом Совета и не порывая связи с университетским храмом»⁸⁸.

Как бы то ни было, вследствие расстроившегося здоровья в 1915/16 уч. г. Рождественский уже не мог продолжать чтение лекций и в мае 1915 г. подал прошение о замещении занимаемой им кафедры, на которую был назначен протоиерей Александр Василь-

⁸⁸ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 7465. Л. 142. — Тем не менее будущий историк И. М. Гревс отнёсся с иронией к первой слышанной им проповеди Рождественского перед началом учебного (1879/80) года, в которой тот «умолял помнить о благоразумии и неуклонно шествовать по следам добродетели»; Гревс находил лекции Рождественского, как и некоторых других профессоров, пустыми и бесплодными. См.: Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941) / Автор-сост. О. Б. Вахромева. СПб., 2004. С. 122–123.

евич Смирнов⁸⁹ (1857–1933) — выпускник и бывший профессор Казанской духовной академии, доктор богословия⁹⁰. Так, в весеннем семестре 1916 г. в университете числилось одновременно 2 профессора богословия, в том числе 1 — вне штата за выслугой 30 лет учебной службы, т. е. В.Г.Рожественский⁹¹.

А.В.Смирнов был активным общественным деятелем, автором многих публикаций в казанских газетах и журналах, в 1906–1907 гг. руководил журналом «Церковно-общественная жизнь». Известный либеральными взглядами, в 1912 г. министром народного просвещения он был уволен с должности профессора Казанского университета, а архиепископом Казанским и Свияжским Иаковом (Пятницким) — с должности настоятеля Крестовоздвиженской церкви в Казанском университете. Вскоре после этого он был избран депутатом IV Государственной Думы и переехал с семьей в столицу. В Думе он состоял членом ряда комиссий: исполнения государственной росписи доходов и расходов; народного образования, дел Православной церкви⁹². В начале 1917 г. в связи с 30-летием службы по ведомству Министерства народного просвещения он стал внештатным профессором Петроградского университета и продолжал читать лекции до весны 1918 г. В соответствии с декретом Совнаркома от 29 января 1918 г. об отделении церкви от государства и школы от церкви преподавание богословия в российских университетах было прекращено. Так, А.В.Смирнов стал последним профессором богословия Петроградского университета. После роспуска Государственной Думы он остался в столице и в составе Временного правительства являлся товарищем прокурора Синода. В конце мая того же года он выехал на летнее время в Самару и с 1 октября 1918 г. окончательно вышел в отставку⁹³.

Предметом православного богословия, университетского, т. е. общеобразовательного, а не специального курса, по определению

⁸⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 7465. Л. 141.

⁹⁰ Смирнов Александр Васильевич [Автобиографические данные] // Биографический словарь императорского Казанского университета (1804–1904): В 2 ч. / Под ред. Н.П.Загоскина. Ч. 1. Казань, 1904. С. 14–16.

⁹¹ Отчёт о состоянии и деятельности Импер. Петроград. ун-та за весеннее полугодие 1916 г. / Сост. В.В.Бартольд. Пг., 1916. С. 51.

⁹² К истории Крестовоздвиженской церкви Казанского университета // <http://www.kds.eparhia.ru/publishing/vestnik/eighteen/kistkresoiycerkvi/>. От 07.12.07.

⁹³ Уманова Д. М. Профессора Казанского университета в высших законодательных органах власти Российской империи // Казань. 2006. № 3. С. 49.

Смирнова, являлось «систематическое изложение истин христианского вероучения и нравоучения, составляющих для христианина основу веры и нравственной жизни»⁹⁴. Как в Казанском университете, так, вероятно, и в Петербургском профессор Смирнов читал курс Апологетического православного богословия, стремясь защитить православие от «нападений и возражений <...> со стороны рационалистов, отрицающих в христианстве всё, что несогласно с разумом, так и со стороны неверующих представителей научного знания, а также со стороны других инославных исповеданий»⁹⁵. Профессор был убеждён в плодотворности союза веры и научного знания⁹⁶. Он утверждал в лекциях, что наука — это великая сила, высшая отрада, высшее благо и радость жизни для настоящих учёных, влюблённых в своё дело⁹⁷, но религия дополняет её, давая ответы на вечные вопросы о сущности мировой жизни⁹⁸. Подобно предшественникам по кафедре, Смирнов обращался к слушателям: «Я глубоко верю, господа, что вы ищете от высшего учебного заведения не диплома только, не обеспечения себя путём специального образования средствами жизни; я верю, что вы ищете здесь удовлетворения глубочайшим потребностям своего любознательного духа, ищете света истины и высшего совершенствования. А если это так, то вы не можете пренебречь совершенно религиозным образованием, предлагаемым вам в курсе Богословия<...>»⁹⁹ Преподавая в Казанском университете, он наблюдал, что многие студенты, получившие христианское воспитание в детстве, совмещали христианское мировоззрение с естественно-научным, сумев «разграничить в своей душе область веры и область позитивного знания»¹⁰⁰.

⁹⁴ Смирнов А. В. Конспект по богословию для студентов Императорского Казанского университета. Казань, 1899. С. 4.

⁹⁵ Там же. С. 5.

⁹⁶ Смирнов А. В., прот. Вера и богословское знание. Слово в день Архистратига Божия Михаила и прочих бесплотных сил, сказанное 8 ноября 1893 г. в церкви Казанской духовной академии. Казань, [1893]. С. 8.

⁹⁷ Смирнов А. В., прот. Вступительная лекция по богословию в Императорском Казанском Университете. Казань, 1896. С. 11–12.

⁹⁸ Смирнов А. В., прот. Границы знания. Слово, произнесённое в церкви Императорского Казанского Университета в годичный праздник (5 ноября). Казань, 1899. С. 5, 7.

⁹⁹ Смирнов А. В., прот. Вступительная лекция по богословию в Императорском Казанском университете. С. 16–17.

¹⁰⁰ Смирнов А. В., прот. Закон Божий в единой средней школе: Доклад. Казань, 1909. С. 2.

В целом профессора богословия не только Петербургского, но и других российских университетов сходным образом понимали задачи высшей школы и роль этой дисциплины в формировании мировоззрения и личности человека. Так, например, подобно В.Г.Рожественскому и А.В.Смирнову, их современник и коллега в Николаевском Саратовском университете А.Ф.Преображенский во вступительной лекции 1910 г. говорил, что университет даёт высшее научное образование и, в отличие от других специальных высших учебных заведений, охватывает преподавание всех наук в их высшем синтезе. Так называемой атомизации мысли, разрозненности знаний, реальной опасности XIX — начала XX в., Смирнов противопоставлял единое знание, цельное мировоззрение, способное осветить ценность и цель личности человека. Стремление к полной и цельной истине, разрешению «вечных проблем» он считал «ценнейшим и благороднейшим запросом» духа человека, но и единственным показателем его истинной культурности. Важность изучения богословия в университете, по его мнению, в том, что именно христианство должно стать «живым центром психического мира» и сформировать личность. Только университет, полагал Преображенский, способен подготовить людей, в которых нуждалось российское общество, — широко образованных, с твёрдыми убеждениями и идеалами и цельным взглядом на жизнь¹⁰¹.

Проблемы преподавания богословия в российских университетах активно обсуждались представителями интеллигенции во второй половине XIX — начале XX в., прежде всего, в связи с подготовкой проектов университетских уставов 1863 и 1906 гг. В 1862 г., например, прозвучало мнение, что кафедра богословия как будто терялась в ряду других кафедр университета, а его преподавание не имело серьёзной методической основы и приносило «очень мало плодов для общественного образования»¹⁰². Преподавание же богословия с «охранительной» целью всеми признавалось бесплодным.

Дело в том, что до начала 1860-х годов богословие в университетах преподавалось по программам, утверждённым высшим ду-

¹⁰¹ Преображенский А. Ф. Место и значение богословия в организме университетского образования. (Вступительная лекция, читанная в Николаевском Саратовском университете 10 сент. 1910 г.). Саратов, 1910. С. 7–10, 13.

¹⁰² О преподавании богословских наук в русских университетах // Замечания на проект общего устава Императорских российских университетов Ч. II. СПб., 1862. С. 77.

ховным начальством — тем же самым, что и в духовных академиях и семинариях. Для университетов они были слишком обширны. Для их реализации в духовных академиях и семинариях отводилось не менее двух лет и около 20 лекций в неделю, при этом богословские курсы читались несколькими преподавателями. Вследствие этого в университетах курс богословия излагался почти в том же объёме, также сжато, в виде общего обзора, как и в гимназиях, и студентам приходилось выслушивать повторение уже знакомого им материала (например, разделы о частных христианских догматах, правилах нравственности и событиях священной истории). Более обширное, «профессорское» преподавание догматического, нравственного богословия и церковной истории потребовало бы много времени и наличия нескольких профессоров. В связи с этим при обсуждении проекта нового университетского устава 1863 г. вызывала сомнение необходимость более подробного, чем в гимназии, преподавания догматического и нравственного богословия в университете, не имеющем богословского факультета. Так, известный учёный-медик и педагог, член Главного правления училищ Н.И.Пирогов считал, что обязательное преподавание богословия влечёт его поверхностность, а потому не может сделать учащихся нравственнее и уберечь их от материализма и безверия; «в деле такой важности, как религиозное образование юношества, соблюдение одного только дескрипта может отозваться самыми худыми последствиями в будущем»¹⁰³. Пирогов предлагал преподавать богословие как вспомогательную науку или ограничиться чтением лекций по истории церкви на историко-филологическом факультете и церковного права на юридическом. Предложение активно обсуждалось, но не было принято. Подобным же образом попечитель Санкт-Петербургского учебного округа (позднее министр народного просвещения) И.Д.Делянов считал, что поступающим в университет и тем, кто держит экзамен на степень кандидата, достаточно лишь представить «удостоверительное свидетельство гимназии, что они знают священную историю Ветхого и Нового Завета, пространный катехизис, историю церкви вселенской и отечественной». Члены Совета Императорского Харьковского университета также высказались за

¹⁰³ Замечания на проект Общего устава Императорских российских университетов. Ч. II. СПб., 1862. С. 6.

необязательность посещения студентами лекций по богословию¹⁰⁴. Однако представители его историко-филологического факультета, профессор богословия, протоиерей Добротворский и некоторые другие предложили другое решение: избирать для чтения лекций только общие и важнейшие вопросы и при решении их руководствоваться приёмами, содействующими развитию самостоятельного мышления, что соответствовало бы характеру университетского образования. Именно в начале 1860-х годов богословие, по мнению профессора Добротворского, осознало необходимость находиться в связи с требованиями и нуждами своего времени¹⁰⁵. Поэтому в 1862 г. возникло предложение о дозволении преподавателю богословия составлять свою программу в соответствии с потребностями студентов и характером университетского образования¹⁰⁶. Профессор Каченовский тогда особо отметил, что гимназическое образование отлично от университетского по уровню научного изложения учебного материала, а изучение богословия в России, как и в развитых европейских странах, должно составлять «коренное основание нравственного образования»¹⁰⁷. Представители духовенства, например епископ Харьковский Макарий, а также ректор Московской духовной академии архимандрит Савва и некоторые её профессора, высказались за преподавание в университетах «Общего богословия» или «Общей христианской апологетики», поскольку нравственно-религиозное воспитание студентов, по их мнению, — более важное средство к достижению цели истинно высшего образования, чем одно лишь научное развитие¹⁰⁸. По сходному мнению духовенства Киевской епархии, богословие в университете не простое детское законоучение, а наука, его изучение «должно быть непременно основательное, со вниманием к современным вопросам и возражениям относительно истин веры», верное знание православия необходимо для общего высшего образования, «для правоты мысли и чувств»¹⁰⁹. Действительно, курс основного богословия, или христианской апологетики, в Петербургском университете читался с 1870-х годов. Впрочем, ведь и ранее лекции по богословию

¹⁰⁴ Там же. С. 224–225.

¹⁰⁵ Там же. С. 452.

¹⁰⁶ Там же. С. 343–344.

¹⁰⁷ Там же. С. 376.

¹⁰⁸ Там же. С. 457–458, 461–463.

¹⁰⁹ Там же. С. 516, 519.

профессоров протоиереев Г.П.Павского, В.Б.Бажанова, В.П.Поливанова, Ф.Ф.Сидонского также отличала апологетическая направленность.

Согласно Уставу 1863 г., экзаменационная оценка по богословию включалась в аттестат, и потому студенты очень дорожили хорошей отметкой. Устав же 1884 г. исключил её из аттестата, благодаря чему экзамен превратился в «докучливую формальность»¹¹⁰. Полученной оценке не придавалось никакого значения, «лишь бы не было двойки или единицы». «Нетрудно судить, насколько такая обстановка преподавания богословия должна была ронять в глазах студентов достоинство самого предмета», — писал прот. В.Г.Рождественский¹¹¹. Нередки были случаи, когда его «сдавали» подставные лица — или по чувству товарищества, или «за некоторую сумму». Один из студентов сделал из этого своего рода промысел, придя четыре раза подряд экзаменоваться к Рождественскому. Наконец профессор заметил его и, когда предприимчивый юноша пришёл в пятый раз, спросил: «Молодой человек! Под какой фамилией Вы придёте ко мне на экзамен в следующий раз?»¹¹² Поэтому Рождественский неоднократно высказывался против обязательности посещения лекций и сдачи экзамена по богословию в университетах.

То же самое во второй половине 1880-х годов происходило и в Московском университете. Будущий известный историк А.А. Кизеветтер, вспоминая годы учения, так описывал лекции по богословию протоиерея Успенского собора, профессора Н.А. Сергиевского: «Богословие читалось одновременно для всех факультетов, и стечение слушателей на первые три–четыре лекции было громадно. Затем аудитория быстро поредела и временами являла собою уже настоящую пустыню. <...> Он был умный человек, отдавал себе ясный отчет в том, что большинство его слушателей не чувствует влечения к богословским наукам, и предъявлял к аудитории самые умеренные требования. На экзаменах <...> не признавал иных отметок, кроме пятерки, и только уже в особенно вопиющих случаях позволял себе поставить экзаменуемому пять с минусом. Он был не лишён язвительного юмора. Услышав от одного студента на эк-

¹¹⁰ Цит. по: Васенко П. Г. Указ. соч. С. 43.

¹¹¹ Рождественский В. Г. Несколько слов по поводу упразднения кафедры богословия в университетах // Церковный вестник. 1906. № 6. С. 163.

¹¹² Цит. по: Васенко П. Г. Указ. соч. С. 35–36.

замене неожиданный для себя ответ, обличавший серьёзную богословскую подготовку, он, удивлённо всматриваясь в студента, вежливо спросил его: «Не атеист ли вы?» И когда студент в свою очередь выразил удивление такому вопросу, Сергиевский спокойно объяснил, что обыкновенно светские люди изучают богословие так подробно с целью выступления против миссионеров на богословских диспутах»¹¹³. Там же Кизеветтер рассказывает, что Сергиевский не реагировал на иное обращение к нему как «господин профессор», а студенту, обратившемуся к нему «батюшка», заявил, что не имеет чести звать его матушку. «Никто к экзамену по богословию не готовился», — писал в своих воспоминаниях виднейший государственный деятель граф С.Ю.Витте, констатируя, что нередко преподавание богословия было поставлено в университетах «весьма и весьма неудовлетворительно» и прямо «постыдно»¹¹⁴.

Согласно новому, однако так и не утверждённому, проекту главных положений Устава Императорских российских университетов 1906 г., кафедра богословия упразднилась, вместо неё на историко-филологическом факультете открывалась общая кафедра философии и истории христианской церкви — «более научная и менее догматическая», к которой причислялись профессора богословия и истории церкви¹¹⁵. Главным мотивом для этого послужило

¹¹³ Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий (Воспоминания. 1881–1914). М., 1997. С. 37–38.

¹¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. I. М., 1960. С. 81.

¹¹⁵ Проект главных положений Устава Императорских российских университетов // Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. № 61. СПб., 1906. С. 252. — При обсуждении этого проекта на заседании Совета С.-Петербургского университета 20 декабря 1905 г. профессора историко-филологического факультета А.А.Марков и А.И.Введенский высказали следующее мнение: «Кафедра богословия должна быть вне факультета, и преподавание богословия не должно быть обязательным. Профессура богословия без права голоса в совете». За это мнение проголосовали 10 из 35 присутствовавших членов Совета. Своё мнение высказал автор цитированных выше воспоминаний И.М.Гревс: «Преподавание богословия должно быть вольным преподаванием. Суждение о правах и подготовке лиц, допускаемых к чтению лекций, предоставляется не факультету, а Совету или выделяемой от него особой комиссии». С этим мнением согласились 7 членов совета. За преподавание богословия согласно § 54 проекта подали голоса 18 членов Совета, и он был принят. См.: Журналы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1905 г. № 61. СПб., 1906. С. 217.

провозглашение императорскими указом от 17 апреля и манифестом от 17 октября 1905 г. свободы совести: комиссия по разработке проекта устава «признала недопустимой обязательность какого бы то ни было догматического учения на университетской кафедре»¹¹⁶. Проект нового устава предполагал принцип свободы учения, т. е. избрания студентом той или иной группы наук для специальных занятий. В рамках этой, так называемой предметной системы преподавания богословие если и могло иметь место, то только как свободно избираемая наука. Комиссия, однако, допускала создание в университетах самостоятельных православных богословских факультетов, наподобие богословских факультетов в университетах зарубежных. За это высказывался и прот. В.Г.Рождественский. По его мнению, богословие должно было преподаваться как дисциплина по выбору, чтобы студенты, желавшие «пополнить свои гимназические познания по части религии чрез прослушание особого, высшего курса Закона Божия», непременно получили эту возможность¹¹⁷.

В начале XX в., отмечал профессор богословия Николаевского Саратовского университета А.Ф.Преображенский, в обиходном мышлении значительного большинства русского общества сохранялись «далеко не новые» предубеждения против введения богословия в круг университетского знания. Самым распространённым из них было то, что богословское образование «не оправдывается насущными нуждами университетского образования, что оно может оказаться не только бесполезным (по очевидной несовместимости откровения и науки, веры и знания), но и положительно вредным, как тормоз свободы мышления и развития»¹¹⁸.

Обязательность преподавания богословия давала ровно обратные результаты. Уже среди студентов начала 1860-х годов имелось «немало предубеждений против наук богословских»¹¹⁹. По данным студенческой переписи начала XX в., из 100 православных студентов только 33 признавали существование Бога. В студенческой среде, особенно столичной, отрицание Бога зачастую считалось при-

¹¹⁶ Рождественский В.Г., прот. Несколько слов по поводу упразднения кафедры богословия в университетах. С. 163.

¹¹⁷ Там же. С. 163–164.

¹¹⁸ Преображенский А.Ф. Указ. соч. С. 5.

¹¹⁹ О преподавании богословских наук в Русских университетах. С. 91.

знаком хорошего тона, своеобразной студенческой модой¹²⁰. Другой письменный опрос учащихся, проведённый в начале XX в. в одном из высших учебных заведений России, показал, что, за исключением единиц, подавляющее большинство созналось в полном безверии¹²¹. «Студенческая толпа была безрелигиозна», — констатировал историк И.М.Гревс. Отсюда понятно и горькое сетование философа и религиозного деятеля, одного из авторов «Вех» С.Н.Булгакова, отмечавшего, что «в России идеал христианского святого, подвижника <...> сменился образом революционного студента»¹²². Поскольку молодые атеисты включались в антиправительственную борьбу с чисто религиозным энтузиазмом и в их радикальных идеях, на словах утверждавших материализм, довольно явно проступали религиозные устремления и русские христианско-соборные традиции. Так, весьма символичным являлся тот факт, что 18 октября 1905 г. у здания Петербургского университета состоялся митинг, в результате которого на кресте университетской церкви был водружён красный флаг.

Профессор богословия Казанского и Петербургского университетов прот. А.В.Смирнов, однако, не разделял пессимистического мнения современников о том, что «интеллигентная молодёжь совершенно чужда высоких идеальных стремлений, что, погружившись в точную науку, она мало интересуется вопросами о высших целях жизни, о конечном назначении человека, о верховной причине всего существующего и т. д.<...>». Он верил в лучшие свойства юношеской природы: отзывчивость на всё доброе и прекрасное, стремление к постижению не «условной», а вечной правды, любовь ко всему, «что зовёт к свету и истине». Поэтому, по его мнению, юношество не могло не откликнуться на учение Христа, зовущее всех к правде, высочайшему и полному совершенству — уподоблению Богу, и остаться равнодушным к православию, проповедующему милосердие, любовь к ближним и самопожертвова-

¹²⁰ Тихонов И.Л. «Substine et abstine». П.Н.Николаи // Знаменитые университеты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. III. СПб., 2005. С. 128.

¹²¹ Смирнов А.В., прот. Будущность христианства: Публичное богословское чтение. 2-е изд. Пг., 1914. С. 32.

¹²² Цит. по: Олесич Н.Я. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999. С. 58.

ние¹²³. Ведь, по его наблюдениям, в конце XIX в. уже стали говорить о науке как источнике разочарований: изучение отдельных явлений природы нисколько не приближало к решению «основных вопросов жизни вселенной» и постижению «великой тайны миробития»¹²⁴. Подобным образом профессор богословия Саратовского университета А.Ф.Преображенский во вступительной лекции 1910 г. охарактеризовал современную ему эпоху как «духовно-изломанное» время, полное «какой-то особенной путаницы и неопределённости настроений». Вместе с тем он отметил в представителях российского общества стремление в область религиозных исканий, небывалую жажду умиротворения бунтующей в сомнениях души, поскольку люди «утомились в нервных потугах и усилиях зайти за черту нормального, здорового, ясного». По мнению профессора, возникла настоятельная духовная потребность вновь нащупывать устои жизни, когда ею всего более правила бушующая стихия¹²⁵.

Изучение преподавания богословских дисциплин в российских университетах могло бы стать предметом специального исследования. История же кафедры богословия Императорского Санкт-Петербургского университета представляет собой важную страницу в истории высшего образования в императорской России. Она отражает процессы, происходившие в общественной жизни, в развитии науки и философии на протяжении XIX — первых двух десятилетий XX в., и благодаря этому имеет большое значение для постижения основ отечественной культуры. Вклад профессоров богословия в дело нравственного, в частности патриотического, воспитания юношества сохраняет свою ценность и в наши дни.

¹²³ Смирнов А.В., прот. Вступительная лекция по богословию в Императорском Казанском университете. С. 3–4.

¹²⁴ Смирнов А.В., прот. Границы знания. С. 2. — В это время, по словам Смирнова, ведущие мыслители приходили к выводу о том, «как тяжела, томительна и беспросветна жизнь без стремлений в высший бесконечный мир, в область вечных идеалов»; в сфере науки произошёл «довольно заметный поворот от крайнего материализма к идеализму, и здесь вера в непогрешимость материалистической доктрины значительно пошатнулась» (цит. по.: Смирнов А.В. Вступительная лекция по богословию в Императорском Казанском университете. С. 5, 9–10).

¹²⁵ Цит. по: Преображенский А.Ф. Указ. соч. С. 19–22.